

Маша очень любила читать книги. Нет, не какие-нибудь рассказы Пришвина, "Капитанскую дочку"(которую она называла "Капитанской Почкой") или, упаси Наживка, "Доктора Живаго" Пастернака - при всём уважении к гению, от него, будучи школьницей можно помереть если не от тоски, то от непонимания замысла автора. Даже модный в своё время среди девочек цикл о Гарри Поттере её не слишком сильно задел. Она любила читать что-то вроде "Вышей Перловой Системы", "Месть Слонопотама: двухсотый уровень" или "Культивация превращения в уши мёртвого осла". Учитывая то, что они располагались в Сети, их не смогла, вопреки поговорке, стерпеть даже бумага. Сам сюжет там был крайне прост и предназначен скорее для аниме, чем книги: какой-нибудь озлобленный на весь сорокалетний девственник попадал, или как говорят в народе, исекайнулся в мир фэнтези, в то время, как Маша могла попасть разве что в неловкое положение. Дальше шли кишки, мясо и огромное число всевозможных схем и таблиц, которые заставляли девочку подумать, будто перед ней не художественное произведение, а справочник по сопромату. Параллельно с этим вместо того, чтобы перепевать Высоцкого и изобретать автомат Калашникова, персонаж начинал качать свои навыки с таким рвением, которое недоступно даже самому закоренелому и толстокожему задроту. Учитывая то, что рано или поздно эти циклы разжирались до многотомных эпопей и гигантских талмудов, на фоне которых "Война и мир" Толстого выглядит слишком короткой книженцией, персонаж успевал накультивироваться(именно такой термин) достаточно, чтобы заставить плакать Чака Норриса, вынудить Вассермана почувствовать себя умственно отсталым на фоне героя, сломать об колено бессмертную Nokia 3310 и лично наведаться в одно из мириады измерений, чтобы напиться родненькой "Столичной" вместо надоевшего эля из таверны "Кабаны Саймона", набить морду автору за то, что написал эту чушь. К тому же почти всегда произведение либо имело кучу орфографических ошибок, либо оказывалось переводом с английского, который в свою очередь оказывался переводом с монгольского, а тот, в свою очередь - с испанского.

Иногда она, конечно, читала фанфики про Бенди, Санса и Джеффа Убийцу, а порой и о том, как они устраивали долгими зимними вечерами чайную церемонию, но исекай всё-таки были на первом месте её читательских симпатий. В любом случае, вкусы учителей литературы безвозвратно устарели.

На улице стоял день. Девочка уже вернулась с прогулки со своим нарисованным псом, а потом пошла к шкафу - она давно не читала книг, и хотелось поглотить ещё одну интереснейшую историю. Она открывала то одну книгу, то другую, и ей ничего не нравилось. Когда девочка перебрала половину книг, она сказала:

-Если нет культивации, значит - неинтересно.

Но её взгляд застрял на синей папке. Девочка её достала. На ней была надпись: "Больной мир" и подпись "Шнурок". Она её открыла, увидела написанные ужасным почерком страницы, вчиталась в них и упала в обморок.

Книга представляла из себя произведение в жанре, пограничном между антиутопией и полной чушью. Это была полная противоположность книгам про бесстрашных и всесильных культиваторов, получающих всесильную мощь: по сюжету, некий безумный учёный, оказавшийся на острове Иванченко превращал людей в хромых, косых, кривых калек, прислонявшихся к берёзе и дававших дуба, потому что считал, что это каким-то образом вернёт сострадание в их каменные сердца. Впрочем, автор был прав: это работало от силы

процентов в пяти случаях. В конце концов, калеки убили Иванченко, но из-за множества болячек, в излечении от которых мог помочь только убитый, жители лепрозория померли - кто быстро и безболезненно, а кто-то долго и мучительно следом. Шнурок совершенно случайно написал "Больной мир", когда находился в состоянии лютой меланхолии. "Если бы не это произведение, я бы застрелился" - признался как-то он Кариму. "Поэтому ты написал такую гадость, чтоб застрелились все мы" - ответил суслу с пятнышком суслу без пятнышка. "Спасибо. Я так и знал." - ответил Шнурок, закинул свою бессмертную рукопись в самый дальний угол шкафа и лишний раз её сторонился - будто если он откроет её ещё раз, он вновь потеряет вкус к жизни.

Может, Иванченко и был безумцем, но Маше, вспомнившей случай, когда её папа в прошлом году заболел не на шутку, показалось, что кто-то на небе действует похожим образом...

Увидев, что в папке больше нет ничего интересного, она уже хотела кинуть её обратно, но её остановил Шнурок.

-Читаешь мою книгу? - спросил он девочку.

-Да. - ответила она.

-Ну и как? Говно редкостное?

-Вроде бы не совсем и говно... Вполне хорошая книга.

-Странно. - ответил Шнурок. На его памяти это был первый раз в жизни, когда кто-то похвалил его нелепый опус. - У меня было желание как-то даже сжечь это уродство, чтобы его больше не видеть.

-Сжечь? Ты уверен, что надо сжигать книгу, где все настолько сильно страдают, при скраблере? Вдруг ты тоже подхватишь какую-нибудь смертельную болезнь? - спросила его Маша.

Да, Шнурок и так обладал умением притягивать к себе неудачи, а если он ещё и "Больной мир" при скраблере сожжёт, то ему придётся подыхать каждый божий день - как будто он не Шнурок, а Кенни.

-Ну да, ну да... Просто забудь о ней навсегда.

-Хорошо. - ответила Маша.

Девочка закинула книгу "Больной мир" в помойку.

-Там ей и самое место. - ответил Шнурок. - Теперь настала гармония.

-А ты ещё что-нибудь писал?

-Да. - начал свою речь Шнурок. - "Больной мир" был лишь одним из моих бессмертных произведений. Однако я тебе скажу, что мои остальные творения были лишь ненамного лучше. Например, я пытался писать стихи, но каждый раз получался какой-то вздор. Вот один:

Тихий ангел пролетел,

Он немного обалдел...

Шнурочек продолжил читать стих, и только первые две строки имели внятную рифму. Остальное напоминало песни Лаэртского, только без свойственного ему шарма, превращавшего его похабщину в высокое искусство.

Ведь крылом этот паскудник

Вервие с ковром задел

А ковёр ему советский

Хрясь по щам как ангелочку,

А потом он, матерясь,

Взял, в полёте сделал бочку

Пал он, но не как Люцифер, (с ударением на "и" - прим. авт)

А как слесарь из окна

Был тогда этаж девятый...

"Клац"! - зубами об асфальт...

Ну а дети тут как тут,

Ус углём как рисуют

На скамье бабульки чуют,

Что алкаш Семён припёрся.

-Вот ты сволочь! - всё кричат.

Невдомёк-то им, что ангел

Всё под крышами летает

И не надо их сшибать

Заводскими, блин, коврами...

-Отлично. - сказала Маша. - Слушай, есть у тебя какие-нибудь ещё стишки?

Кажется, он хочет её убить своими литературными изысканиями.

-Есть. - ответил Шнурок. Я даже сочинил язвительную эпиграмму на дорби.

-На кого-на кого?

-На дорби. Ты не знаешь, что это за существа?

-Я совершенно не в курсе, кто такие дорби. Объясни.

-Так вот, дорби очень любят воровать телевизоры. Они чем-то похожи на колобков, только куда более омерзительны внешне. Ещё они фанатично верят в пастора Наживку, которого они считают своим богом.

-А кто такой, этот пастор Наживка?

-Да придурок он, просто придурок.

-Тогда почему они считают его богом?

-Я не знаю. Ты, конечно, можешь у дорби спросить, но лучше не спрашивай. Они меня чуть не отчесали за то, что мы пытались телевизор вернуть...

-Понимаю. Я знаю одного сумасшедшего, который объявлял себя богом, а потом утонул в унитазе по пьяни. Его звали Иван Давидович, вроде бы.

-И это то же самое. Вот слушай:

А дорбасы в ус не дуют

Телевизоры воруют!

Всё не знают, идиоты...

Выключил - Наживки нет!

Сказав это, Шнурок покати́лся по полу от смеха.

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1772613>